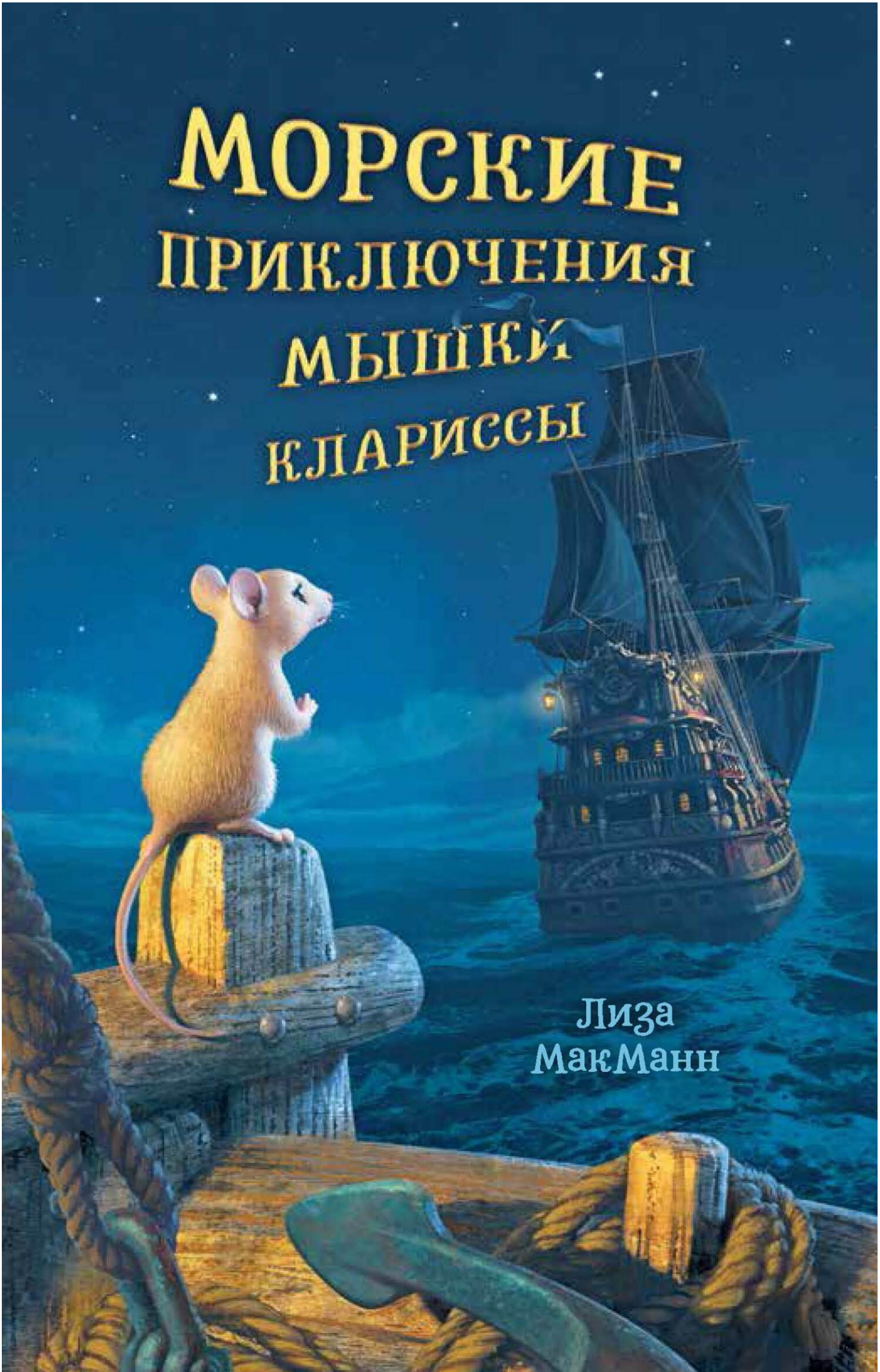
МОРСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЫШКИ КЛАРИССЫ

Лиза МакМанн

trendbooks_teens

Лиза МакМанн

Морские приключения мышки Клариссы

«Издательство CLEVER»
2021

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

МакМанн Л.

Морские приключения мышки Клариссы / Л. МакМанн — «Издательство CLEVER», 2021 — (trendbooks_teens)

ISBN 978-5-00154-856-0

Мышка Кларисса и ее брат Чарльз Себастьян всю свою жизнь живут на большом корабле. Вокруг них столько опасностей: за бортом – бушующее море, на палубе – рыжая кошка Патронесса. Из всей многочисленной мышиной семьи их осталось двое. Во время бунта на корабле случается страшная неразбериха. Кларисса вместе с капитаном, коварной Патронессой и дюжиной голодных моряков оказывается в прохудившейся шлюпке в открытом море! Чарльзу Себастьяну удается спрятаться на корабле, захваченном мятежниками. Брат с сестренкой мечтают найти друг друга. Смогут ли они подружиться с кошкой, справиться со стайкой разгневанных кур и проявить настоящую отвагу, чтобы снова быть вместе?

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-00154-856-0

© МакМанн Л., 2021
© Издательство CLEVER, 2021

Содержание

Бунт 6
Беда 9
Голосок 14
Горести и печали 17
В открытом море 20
Меры предосторожности 25
Сосуществование 29
Без движения 31
Ушки на макушке 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Лиза МакМанн
Морские приключения мышки Клариссы

Биллу и Чаку с любовью

Оригинальное название: CLARICE THE BRAVE
Text copyright © 2021 by Lisa McMann
Jacket art copyright © 2021 by Antonio Caparo
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with G. P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

Бунт

Я уже слышала это слово раньше. На общей палубе, где мы с братом жили в углу деревянного ящика цвета пожухлого кукурузного поля, моряки произносили его шепотом. Они передавали его друг другу, засидевшись допоздна и выпив лишку грога. Они бормотали его себе под нос, когда тишину рассекал удар кнута, когда с глухим звуком на ребра их товарища опускалась палка.

Я много раз слышала слово «бунт», но не понимала, что оно значит. Вернее, что оно значит для нас. Тогда это было просто слово.

Наш ящик стоял в кладовке на камбузе. В нем хранили джутовые мешки с кофе, зерна которого постепенно теряли аромат. Амбарный замок на кладовке не был для нас помехой: мы с братом легко проскальзывали в щель под дверью. Зато он оберегал нас от моряков и котов. Только Танука, очень бледный мальчишка с ключом на шее, прислуживавший на камбузе, заглядывал в кладовку по несколько раз в день, чтобы принести продукты, которые просит кок. Поэтому мы с братом почти все время были в безопасности и не нуждались в еде. Вся семья погибла на наших глазах, так что безопасность заботила нас больше всего.

Уцелели только мы с Чарльзом Себастьяном – так зовут моего брата. Кого-то из наших братьев и сестер погубили болезни, а кого-то съела Патронесса, одна из трех ужасных корабельных кошек. Почти все время она крутилась рядом с коком на камбузе, выжидая, когда судно накренится и со стола в ее бездонную пасть свалится случайный ошметок еды. Ее хозяином считался сам капитан. И эта ужасная, откормленная рыжая зверюга так и норовила проскочить в кладовку следом за Танукой. Именно она сожрала нашу сестру Оливию.

Гибель Оливии потрясла нас. Ведь во всем выводке она была самой крепкой, самой быстрой мышью. Но все равно не сумела убежать от Патронессы, что сразило меня в самое сердце. Если уж Оливия не смогла, то на что надеяться мне? Моя гибель – лишь вопрос времени? От этой мысли я теряла способность шевелиться.

– Мамочка, как ты сумела продержаться здесь так долго? – спросила я маму вскоре после гибели Оливии. Тогда у нас еще была мама.

– Наверное, фасолинка, во многом благодаря везению, – честно призналась она и, внимательно посмотрев мне в глаза и будто прочитав спрятанную в них тревогу, добавила: – И еще потому, что поняла: иногда прятаться лучше, чем убегать.

Мама бросила встревоженный взгляд на брата. Чарльз Себастьян часто пускался бежать, теряя голову. Мы пытались учить его контролировать порывы. Неужели в тот момент мама задалась вопросом, не его ли черед погибнуть?

– А если мы ошибемся? Если мы бросимся убегать, когда надо будет спрятаться? – спросила я еле слышно.

– Кларисса, – шепнула мне мама на ухо, и я почувствовала ее теплое дыхание. – Я покидала дом совсем юной и очень сомневалась в своих силах. Расставаться с семьей было тяжело, но приключения манили меня и перевешивали страх. Тем вечером, когда я решила отправиться в плавание на этом корабле, отец сказал мне слова, спасавшие меня в самые тяжелые времена.

– И что это за слова? – с трудом произнесла я.

Мама чуть подняла усики, поникшие из-за утраты Оливии.

– Он сказал: «Нужно, чтобы всего одна мышь верила в тебя. И эта мышь – я!»

Мне стало необычайно тепло на душе.

– И что ты тогда подумала?

– Я почувствовала, что я сильная, что я сама могу принимать решения. И если мне становилось одиноко, если я сомневалась в себе, я повторяла эти слова. – Мама смотрела в темноту кладовки и вспоминала. – До сих пор слышу папин голос…

Она повернулась ко мне:

– И знай: я верю в тебя. В тебя! Так же, как в меня верил отец.

В маминых словах было столько искренности, что у меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Я и так понимала, что чаще всего принимаю правильные решения, но ее слова наполнили меня особенной уверенностью в своих силах.

Немного помолчав, мама окликнула Чарльза Себастьяна, чтобы сходить с ним за пресной водой. Может, она хотела остаться с ним наедине и тоже поговорить, научить его верить в свои силы.

Но правду нам никогда не узнать. Потому что в ту вылазку маму смыла за борт огромная волна. Ее не стало в одно мгновение. Чарльз Себастьян вернулся один, пораженный до глубины души. Мамы не стало, и кладовка без нее была в два раза больше, казалась слишком велика для нас двоих.

Мама любила море, а я ненавидела. Ее гибель лишь усилила мою ненависть. Воде нельзя верить. Она кажется ласковой, но ведет себя иначе. Одного удара волны достаточно, чтобы переломить несчастной мышке спину. Как случилось на глазах Чарльза Себастьяна. После увиденного он отказывался выходить из кладовки, а меня вновь охватила неуверенность. Если наша мама – мама, которая обожала морские приключения, – не сумела выжить, то каковы наши шансы уцелеть?

Без мамы в ящике мы боялись еще сильнее, чем раньше. Мы сидели, прижавшись друг к другу. Спали, свернувшись в клубок. Еду делили на двоих. И только я в самое глухое время ночи выбиралась за водой и приносила бережно собранные капельки в деревянной ложке с отломленной ручкой, чтобы напоить брата. И больше у нас не было причин покидать ящик.

Пока не прозвучало то самое слово.

Как-то раз дверь в кладовку открылась, и на пороге показался Танука. Вместе с прохладным морским бризом в темноту проникло нечто зловещее. У меня встала дыбом шерстка на спине. Чарльз Себастьян на мгновение замер, а потом задрожал всем телом и впился зубами в дно ящика – он так часто делал, чтобы успокоиться. У моего брата были чудесные острые зубы

и на зависть крепкие челюсти. Грызть – вот что важно для мыши. Мы прогрызаем себе пути внутрь разных мест, мы прогрызаем себе пути наружу. Мышам не выжить без умения грызть. Я выглянула наружу: нет ли рядом котов, но никого не увидела.

– А ну-ка намели кофе! – заорал с камбуза кок.

– Хорошо, – отозвался Танука, повернув прыщавое лицо в сторону источника звука.

– Давай, ночка будет долгой!

У мальчишки глаза стали как блюдца, но я не поняла из-за чего.

– Сегодня? – выдохнул он вопрос.

Кок не ответил. Или ответил слишком тихо. Танука зашел в кладовку. Мы с братом вжались в угол ящика малюсеньким комочком, а мальчишка навис над нами, до его ляжки оставалось не больше мышиного хвоста. Оглушающе громко в кофейные зерна вошел ковш, разворошил их, сдвинув с места мешок. Грубый джут коснулся нашей шерстки. Чарльз Себастьян трясся, вжавшись в пол, и я боялась, он сорвется с места и кинется бежать. «Держись!» – хотелось мне шепнуть ему, но… Но, может, и правда лучше бежать? Я была уверена еще меньше, чем обычно: внутри меня разрастались страх и сомнения. В голове звучала мамина история. Слова ее отца стали напутствием для меня: «Нужно, чтобы всего одна мышь верила в тебя. И эта мышь – я!» Я зажмурилась и просидела так, пока вновь не стало тихо и темно.

Но покой длился недолго.

Беда

– Кларисса! – шепотом позвал Чарльз Себастьян.

Он немного успокоился: от тряски осталась только чуть заметная дрожь. С палубы доносились крики, судно как-то особенно громко скрипело сегодня, а матросы как-то особенно тяжело топали башмаками.

– Да, братик, я здесь.

– Матросы сегодня еще бешенее обычного, мне кажется.

«Да они сегодня вне себя. Обезумели просто», – подумала я, а вслух сказала:

– Да.

– И воздух напряжен.

– Разве?

Я встала, положила лапку Чарльзу Себастьяну между ушек, погладила его по голове, как всегда делала мама, чтобы успокоить. Она баловала его. Мы все его баловали. Чарльз Себастьян был самым маленьким в нашем выводке, поэтому требовал опеки. Вернее, мы старались его опекать, а он позволял это делать. Мама даже считала, что у Чарльза Себастьяна есть дар предвидения. Она вообще во многом была идеалисткой и мечтательницей – не только в своем стремлении повидать мир. Я обладала более приземленной натурой. Естественно, никаким даром предвидения Чарльз Себастьян не обладал. Иначе бы он знал о волне, которая унесет с собой маму. Он бы знал, что кошмарная Патронесса схватит нашу бедную сестру Оливию, а та будет пищать у нее в пасти. Никогда, никогда я не забуду этот писк. И тот миг, когда он оборвался, тоже не забуду.

Но зато Чарльз Себастьян был умнее, чем мы все вместе взятые, – это факт. Только вот ему не хватало хладнокровия. Наверное, поэтому он постоянно дрожал от страха. И наша забота не особо ему помогала.

Чарльз Себастьян несколько раз быстро моргнул и сказал:

– Началось!

– Что?

Ответа не последовало, но в нем не было нужды. В полоске света из-под прикрытой двери кладовки быстро мелькнули кошачьи лапы. Патронесса тоже знала о том, что экипаж судна раскололся на две группировки. И наверняка понимала в происходящем побольше нашего. На судне, доверху загруженном кадками с молодыми дубами, которые предстояло продать в далеких странах, царил постоянный хаос. И половина моряков в команде была очень зла на капитана, который в грош их не ставил.

Трапы загрохотали под топотом тяжелых ног: все же люди – самые шумные животные в мире. Моряки орали совсем рядом – пугающе рядом. Судно задрожало, и наш ящик вместе с ним. Заскрежетало металлом оружие, отозвалось пронзительным звоном. Глухими ударами кулаков моряки лупили друг друга. Мы с братом больше и больше вжимались в угол ящика. В последние несколько дней драки на корабле стали обычным делом. Как стал обычным делом свист кнута и скрежет цепей по палубе – капитан все чаще и чаще приказывал сечь провинившихся, а затем бросать их в кандалах в специальную клетку, которая стояла на палубе у кормы, прямо над нашим укрытием. И все члены экипажа непрерывно ругались сквозь зубы. Даже коты вели себя беспокойнее обычного.

В ящике нам ничего не грозило, но без мамы в нем казалось слишком пусто и холодно.

– Плохо, все очень плохо! – взволнованно произнес Чарльз Себастьян. – Бунт – это беда для нас с тобой. Почему нет нашей мамочки? Она бы знала, что делать, куда бежать.

– Тс-с…

Я постаралась вести себя как мама. Она бы наверняка хотела, чтобы я позаботилась о нашем младшеньком.

– Мы здесь в полной безопасности. И никуда бежать не будем.

Что бы еще сделала мама? Уже одно ее присутствие успокаивало, но это мне исправить не по силам. Мной овладевала паника. К такой ситуации я оказалась не готова. А кто бы оказался готов?

По трапу застучали башмаки.

– Открывай! – Женский голос. – Открывай дверь! – Стук кулака снаружи.

Я моргнула. Лучия. Ее голос. Она из офицерского состава судна.

Танука возился с ключом в замке кладовки. Чарльз Себастьян часто дышал, высунув кончик языка. Дверь резко распахнулась, ручка ударилась о стену. У нас от испуга застучали зубы. Лучия оттолкнула Тануку с прохода.

– В чем дело? – заорал он.

Притворяется, что не понимает?

Женщина отвесила ему гулкую пощечину тыльной стороной ладони. От боли мальчишка взвыл. В наш ящик, прямо в кофейные зерна, отлетел окровавленный зуб. Лучия пристально посмотрела на подвывающего Тануку.

– Готовить умеешь?

– Я… я… – Он не знал, что ответить. Так и стоял, прикрыв рукой опухающую щеку и ощупывая языком дыру в зубах. – Немного… – Стал белый как простыня. – Я… я только учусь. Я первый раз… – Его шатнуло.

Лучия обернулась к морякам, стоявшим у нее за спиной.

– Этого взять и бросить к капитану. Им понадобится кок, когда они найдут сушу.

– Не-е-ет! – завопил мальчишка. – Я не уйду! Я останусь здесь!

Его схватили под руки два моряка и поволокли наверх. Танука затих.

– Молись, чтоб капитан этого не слышал, – бросил себе под нос один из моряков.

И тут мальчишка снова оживился:

– Сестра! Моя сводная сестра! Бенеллун! Ей только двенадцать лет.

Я ни разу не видела его сестру, но прекрасно понимала, из-за чего он разволновался. Хоть мальчишка мне никогда не нравился, я почувствовала к нему жалость.

– Мы ее найдем и кинем вместе с тобой в лодку с капитаном, – пообещал один из матросов.

– Найдите девчонку! – приказала Лучия кому-то, кого нам из укрытия не было видно.

Тяжелый топот постепенно затих. Мы с Чарльзом Себастьяном снова вжались в угол ящика, потому что Лучия вернулась и теперь изучала содержимое полок.

Как же она мне раньше нравилась! Из ее шелковистых волос можно было сплести великолепное гнездо. Темно-каштановыми волнами они спускались из-под шляпы, а несколько прядок всегда падали на лицо. Теперь на лбу Лучии выступила испарина. Она склонилась над нашим ящиком, и меня обдало невыносимым смрадом из ее рта. Вообще, я стойко относилась к любым запахам, но от дыхания Лучии, вонявшего соленой треской, было не спрятаться.

Она хватала ящики с полок и бросала их матросам. Неужели и наш она сейчас швырнет им в ручищи? Я вцепилась коготками в доски и зажмурилась.

– Держись! Только держись! – шепнула я брату.

Чарльз Себастьян дышал так часто, что, казалось, вот-вот потеряет сознание.

– Хватит! – крикнул сверху один из матросов. – Остальное нам.

В его глазах плескалось безумие. Мама нам много рассказывала об иерархии на судне: этот матрос не смел таким тоном говорить с офицером. Лучия моментально взбесилась – нас обдало волной ее гнева.

– Хочешь, чтобы тебя вздернули за убийство? – рявкнула она через плечо. – Им надо дать провиант.

– До Кингсленда каких-то восемьдесят морских миль.

– На шлюпке с одним драным парусом, которую утопит первый же шторм! Делай, как я сказала, иначе искупаю тебя под килем!

Лучия вытащила с нижней полки полящика соленой трески, загребла вялых апельсинов и, кинув их сверху, сунула ящик матросу. Он не удержал груз, и несколько апельсинов свалились на пол.

– Да ты еще хуже него! – злобно бросила Лучия и, подняв ящик, вручила матросу, стоявшему позади. – Чего застыли? Передавайте наверх и не мозольте глаза!

Рядом с нашим укрытием она нашла пакет сухого галетного печенья и еще какую-то еду – я не разглядела. И тоже передала все наверх. А затем ее тонкие смуглые пальцы легли на бортик нашего ящика. Она стянула его на пол и ногой подтолкнула к выходу. Чарльз Себастьян взвизгнул. Но скрежет поглотил звук.

– Держись! – крикнула я, уже не переживая, что нас услышат, и еще крепче впилась коготками в доски. – Не смей бежать! Здесь безопаснее, чем под башмаками.

Чарльз Себастьян не мог вымолвить ни слова – я только слышала, как колотится его сердечко. Наш дом переходил из рук в руки, нас кидало из стороны в сторону. Все выше и выше – и вот мы на палубе.

Я осмелилась выглянуть наружу. И чуть не ослепла от пламени факелов, освещавших непроглядную ночную тьму. Руки последнего в цепочке матроса бросили ящик на палубу, и мы с братом подпрыгнули от удара, кубарем покатились по дну, шлепнулись рядом с мешком с галетами. Мир бешено крутился.

– Вы пожалеете об этом! – Вопль раздался совсем рядом.

У кричавшего были связаны веревкой руки и ноги. Но голос я узнала сразу – капитана ни с кем не спутаешь, хотя с замотанными руками и ногами, в ночной рубахе вместо кителя он выглядел странно и очень беспомощно. Бросались в глаза пожелтевшие, а местами черные ногти на босых ногах.

И пока некоторые члены экипажа мялись, не понимая, что происходит и чью сторону занять, несколько человек подхватили капитана на руки, высунули за борт и… бросили.

Я замерла. Но вместо всплеска воды раздался глухой тяжелый удар. Значит, он упал с небольшой высоты. А вскоре над кромкой борта показалась макушка: капитан сумел сесть. Но как это возможно? Немного придя в себя, я сообразила: под бортом судна, над водой, болталась на тросах шлюпка. Капитан расшиб голову, когда упал в нее. По лицу у него сочилась кровь.

– Это измена! Вы будете повешены! Помяните мои слова!

Я не отводила глаз. Появилась Лучия. Капитан бросил на нее тяжелый взгляд и выговорил:

– Как ты могла?!

Она посмотрела на него с сожалением. И вдруг повернулась к собравшимся на палубе и сказала:

– Я остаюсь верна капитану.

Ее слова вызвали рокот, но я не понимала почему. Капитан, надменный и не сдавшийся, всматривался в экипаж: кто же еще верен ему? Взгляд налитых кровью глаз он останавливал на лицах всех моряков по очереди и, казалось, запоминал их. Внимательно вслушивался в их насмешливые реплики. Потом уставился на сбившихся в группку вокруг одного из офицеров. Это был мистер Томас, и именно он возглавил мятеж.

Еще несколько человек перешли на сторону капитана. Их тут же лишили оружия и пересадили в шлюпку. Несчастного и поникшего Тануку по-прежнему держали под руки двое матросов, а он вертел головой в поисках сводной сестры.

– И его в лодку! – заговорила Лучия. – Девчонку нашли?

– Какую девчонку? – переспросил кто-то, но Лучия уже переругивалась с мистером Томасом.

– Бенеллун! Ее зовут Бенеллун! – успел выкрикнуть Танука, пока его перекидывали через борт.

Раздался глухой удар. И мальчишка замолк. На протяжении всей этой сцены Чарльз Себастьян попискивал и елозил. Он почти забрался мне на спину и наблюдал за происходящим, вцепившись коготками передних лапок в бортик ящика.

– Кларисса, надо бежать!

– Нет!

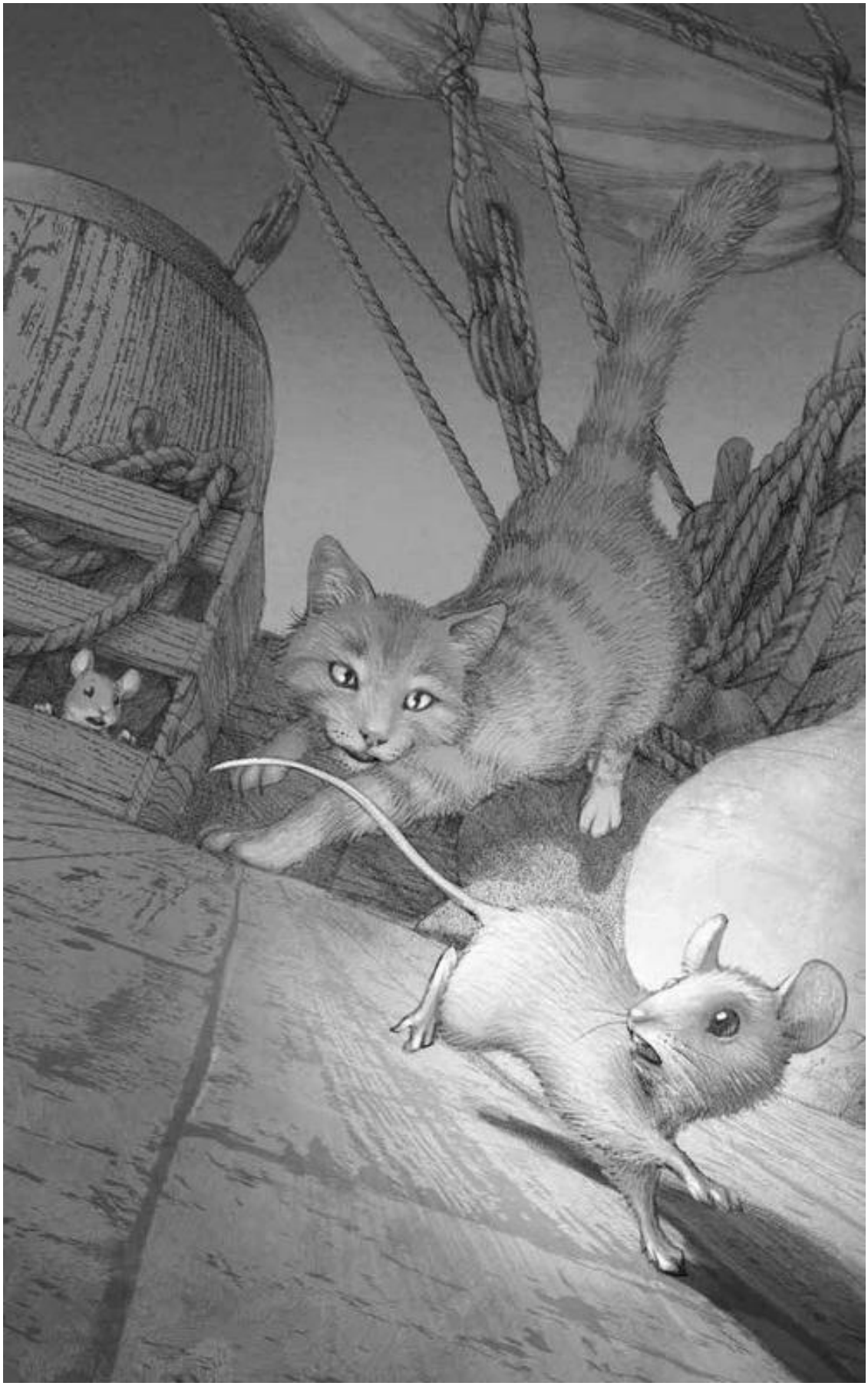
Я толкнула его, пытаясь успокоить, но Чарльз Себастьян только громче запищал. Я проследила за его взглядом. В тени перил, изящно лавируя между столбиками и не обращая внимания на общую суматоху, к нам кралась Патронесса.

От ужаса у меня расширились глаза, вдох застрял в горле. Кошка уловила нашу возню и теперь смотрела прямо на нас.

– Не шевелись! – приказала я брату и, выскользнув, прижала его ко дну ящика, пытаясь уберечь от верной смерти.

Наверное, Чарльз Себастьян понимал, как нужно себя вести. Но его страх был сильнее моих лап: он вывернулся и кинулся в щель между досками, выскочил под ноги моряков и понесся прочь, еле успевая уворачиваться от тяжелых сапог.

Кровожадная кошка метнулась за ним.

Голосок

– Чарльз Себастьян! – закричала я. Вдруг огромные руки схватили мой ящик и швырнули. – Ча-а-а-арльз!

Я ударилась о стенку ящика, впилась в него когтями. Кофейные зерна, полный рот крови. Лечу кубарем… Ящик с глухим ударом приземлился на дно шлюпки, кончики моих когтей остались в древесине. Боль пронзила передние лапы, отозвалась в боку. Не понимая, что происходит, я заползла под мешок с остатками кофе. На обломках трех когтей выступили капельки крови. Из-за невыносимой боли, из-за пережитого ужаса я забыла о брате.

Высунувшись из-под мешка, я с удивлением увидела Тануку: он обхватил голову руками и стонал. Наше суденышко заполнялось ящиками, тюками и матросами. От качки деревянный бок шлюпки с жутким скрипом терся о бок судна, а мешки так и норовили упасть. Почти всем матросам, как и капитану, связали запястья, заведя руки вперед, а не за спину. Некоторых членов экипажа я узнавала по запаху или даже по виду. Ужас и растерянность на их лицах показывали: они прекрасно знают, что происходит, и к тому же осознают, что заняли не ту сторону.

Капитан сыпал проклятиями в адрес оставшихся на борту, обзывал их бунтовщиками и предателями, требовал больше провизии и вещей, торговался за пресную воду. Я взглянула на Тануку. Казалось, он смотрит прямо на меня. И оцепенение сразу прошло. Он больше не звал Бенеллун. В глазах у него стояли слезы, губы надулись и опустились в горестной гримасе. Он смотрел не на меня, а сквозь, как будто я прозрачное привидение. Я забилась глубже под мешок, чтобы не попадать в свет факела.

После нескольких жутких ударов и толчков лодка со скрежетом наклонилась. Все разом заорали. Мы летели вниз. От удара об воду в шлюпке попадали матросы, посыпалась со своих мест провизия. Я не успела ни во что вцепиться, потому что очень болели сломанные коготки, и от толчка вылетела из ящика на дно шлюпки. Не успела я вскарабкаться обратно, как меня окатило морской водой.

Мне показалось, что я умерла, что меня смыло волной в ледяное море, как маму. Но нет, я всего лишь оказалась в мелкой луже на дне лодки. Отплевываясь и хватая ртом воздух,

я поплыла первый раз в жизни и, надеюсь, последний. Кое-как преодолев глубокое место и цепляясь остатками кровоточащих когтей, я вскарабкалась на боковую стенку шлюпки. Затем, протиснувшись между досок ящика, спряталась под мешком с кофе. Сознание покидало меня. От потрясения зубы стучали друг о друга, а от пронизывающего ночного холода содрогалось тело.

И вдруг все внутри оборвалось. Чарльз Себастьян! Где он? Он жив? Или погиб в кошмарной пасти Патронессы? Я вытянула шею и начала всматриваться в борт судна, безнадежно пытаясь отыскать брата и прекрасно понимая, что уж на перилах его точно не может быть. Но все же я надеялась.

Между шлюпкой и кораблем появилась полоска воды. Хотя оба судна стояли на месте. Но какая разница? Чарльза Себастьяна больше нет. Я осталась одна. Задыхаясь от нехватки воздуха, я приказала себе выйти из оцепенения. И услышала голос капитана.

– Этот бунт будет преследовать тебя до самой смерти, мистер Томас! – орал он в сторону судна. – Я не успокоюсь, пока не увижу, как ты болтаешься на рее!

Бунт! Снова это слово. Слово, чтобы обозначить царящую неразбериху. Я уже поняла, что бунт – это борьба между двумя сторонами, но все еще не могла уловить точное значение. Для громко хохотавших матросов, которые остались на борту судна, бунт значил независимость от капитана, свободу и, пожалуй, покой. А для тех, с кем мы теперь в одной лодке, это слово означало предательство, потрясение, страх. А еще изгнание, одиночество. Мы оказались самыми слабенькими в помете, заморышами, не сумевшими дать бой, вот никто и не думал о нас заботиться – нас просто вышвырнули.

Для меня бунт означал неминуемую смерть. Как там мой Чарльз Себастьян, за которым погналась Патронесса? Если чудом мне удастся выжить, то понадобится еще одно чудо, чтобы залечить мое разбитое вдребезги сердце. Я никогда больше не увижу брата. От осознания этой страшной истины все тело обдало жаром: каждая шерстинка отозвалась болью. Зачем мне теперь жить?

Издалека донесся тонкий детский плач. Кто это? Сестра Тануки? Как страшно… Под единственным изодранным парусом наша шлюпка, забитая изгоями, удалялась от судна. Все больше и больше морской воды разделяло нас. И вдруг донесся еле слышный, слабый писк с корабля:

– Кларисса!

Сердце замерло, дыхание остановилось. Мне показалось? Пережитое так повлияло на меня? Голос брата теперь станет мне чудиться в ночных кошмарах? Подняв ушки, я хотела поймать звук, который вряд ли был доступен еще кому-то. И снова услышала его.

– Кларисса!

Вжавшись в доски, я изо всех сил всматривалась в удаляющееся судно. Но не видела ничего.

– Чарльз Себастьян! – запищала я, пытаясь перекричать плеск волн.

– Вернись! Вернись! – рыдал он.

Плач брата разбил мне сердце. Я смотрела на враждебное море. На то, как увеличивается расстояние между нами и судном. Столько мне не проплыть. И никогда не вскарабкаться по отвесному скользкому борту корабля, даже если я не утону. Слишком страшно, чтобы даже попытаться.

– Не могу…

– Я хочу с тобой! – прокричал Чарльз Себастьян.

– Нет! Будь там! – Надо было остановить брата, пока он, поддавшись порыву, не прыгнул в воду. Это верная гибель. – Я найду тебя. Слышишь? Я найду тебя! Слушайся голоса разума, Чарльз Себастьян! Выживи! – прокричала я, а затем, как эхо, повторила мамины слова: – Нужно, чтобы всего одна мышь верила в тебя. И эта мышь – я!

Может, выкрикнутое в отчаянии напутствие придаст ему храбрости, которой мне так не хватало? Но как страшно думать, что мой брат обречен!

В этот миг вновь загрохотал голос капитана. Ему развязали руки, и теперь он грозил воздуху кулаком. Лодка качнулась, и он стукнулся ногой о мой ящик. Я ударилась головой. Кофе из мешка засыпал меня целиком. Стало темно.

Горести и печали

– Кларисса! – звал Чарльз Себастьян, но сестра больше не отвечала ему.

Совершенно измученный, он рухнул на палубу. Его жизнь случайно спас какой-то моряк: внезапно подхватив на руки рыжую Патронессу, испортил ей всю охоту. Только вот зачем теперь жить? Клариссы больше нет. В крошечной лодчонке, набитой людьми, ее ждет верная гибель. Чарльз Себастьян был уверен, что нет врага страшнее человека, даже для самого человека. А рядом шептались два таких врага – мужчина и женщина:

– Пресной воды у них меньше чем на неделю.

– Шлюпка осела почти вровень с морем, – говорил женский голос. – Еще один человек – и пошла бы на дно. Куда там сажать тот десяток, который взял сторону этого тирана. Поэтому самых опасных мы в карцере закрыли. – Женщина помолчала и добавила: – Шлюпка точно утонет в первый же шторм.

– Страшно, конечно, но…

Рядом раздались шаги, и шептавшиеся обернулись. Какой-то офицер толкал перед собой девчонку в матросской форме.

– Поздно бояться! – рявкнул он, не обращая внимания на всхлипы. И добавил: – Нашел я ее наконец. Пряталась в темноте рядом с мистером Томасом. Подслушивала. Наверняка много лишнего слышала. Мистер Томас в бешенстве. Давайте помогите с ней разобраться.

И все трое ушли вместе с пленницей. Чарльз Себастьян остался в одиночестве.

– Кларисса… – еще раз шепнул он.

Нет надежды. Надо было ослушаться, надо было прыгнуть. Ну подумаешь, утонул бы – ничем не хуже, чем сейчас. Сестра обещала найти его. И пусть Чарльз Себастьян был заморышем – дураком он не был. У него хватало ума понять правду. Море – воплощенное зло. Все связанное с ним враждебно: волны, матросы, коты. И вряд ли он снова встретится с сестрой. На глазах у Чарльза Себастьяна заблестели слезы. Кларисса была для него всем. Без нее он потерял самого себя.

А еще он на самом деле потерялся. Патронесса загнала его в незнакомую часть судна. И хотя Чарльз Себастьян обладал живым умом, с ориентацией в пространстве у него было не

очень. Как же теперь найти дорогу обратно в кладовку? Вот именно из-за таких маленьких недостатков мама и более разумные братья и сестры обращались с ним как с малышом. А он их не останавливал. Зачем? Хорошо, когда с тобой все носятся. Но теперь он понимал, что надо было изучать маршруты по судну, а не просто ходить за кем-то из старших.

Чарльз Себастьян дрожал на ледяном соленом ветру, который дул против шерсти, от чего становилось еще противнее. Где он находится? Он несся вперед быстро, не останавливаясь, перепрыгивал через ступеньки, уворачивался от тяжелых сапог с невообразимой ловкостью. В этой открытой части судна он ничегошеньки не узнавал. С таким же успехом он мог плюхнуться прямо с усыпанного звездами неба. Судно сильно качало, и от одного взгляда вверх, на звезды, Чарльза Себастьяна начинало мутить. Надо обязательно найти кладовку. Только вот после всего случившегося на эту задачу совсем не осталось сил.

– Она верит в меня, – прошептал он себе. И почувствовал себя не таким беспомощным, как мгновение назад.

Только что значат эти слова? Ведь раньше никто-никто из всей большой семьи не говорил ему прямо, что верит в его силы. Наоборот, постоянно осуждали его за стремление чуть что убегать. И часто открыто обсуждали его страхи, будто так можно было их уменьшить. А вот он сам мог и поспорить: страхи делали его сильнее, ведь, постоянно бегая, он окреп физически. Чарльз Себастьян тяжело вздохнул. Теперь обсуждать их было не с кем. А вдруг Кларисса сказала ему правду? Вдруг она в самом деле верит в него?

Что сейчас с его сестрой? Сможет ли она выжить в плавании, когда вокруг морская вода и матросы? Чарльз Себастьян сомневался, и от этого сомнения ему стало совсем не по себе. «Я тоже верю в тебя, – подумал он. – Верю вопреки всему». Даже если Кларисса обманула его, то наверняка она очень хотела, чтобы ее слова оказались правдой. И это уже хорошо. Сестра сказала ему эти слова, он сам сказал их себе – и это дало силы двигаться дальше.

Еще немного подрожав, Чарльз Себастьян метнулся к высоченной клетке, которая крепилась к черной стене длинными толстыми цепями. При каждом наклоне судна они громко звенели. В клетке, поджав коленки и свесив голову, сидела девчонка. Та самая, в матросской форме. Это ее толкал перед собой офицер. Чарльз Себастьян раньше ее не видел – наверное, она работала в другой части корабля.

Запястья у девчонки были замотаны веревкой, а от железных обручей на щиколотках тянулась цепь – это показалось Чарльзу Себастьяну слишком жестоким и безжалостным, ведь она и так сидела в клетке на открытой всем ветрам палубе. Но он не раз видел, как моряки дрались друг с другом, намеренно причиняли боль, поэтому подобное обращение с пленницей не сильно его удивило. Может, они заковали ее в кандалы, потому что она похожа на него: острые зубы способны перегрызть какую угодно веревку, хрупкое тело умеет протискиваться через самые узкие прутья, и офицеры боятся, что она сбежит. Чарльз Себастьян разглядывал прутья клетки: расстояние между ними слишком большое, рассчитано на взрослых крепких матросов, а не на детей.

Девчонка задрожала. Мышонка она не видела. Чарльз Себастьян пошел вдоль края клетки, стараясь дышать спокойно, чтобы не поддаваться бившемуся в груди страху. Он прополз вдоль черной стены и обнаружил на противоположной стороне что-то типа ниши с клеткой. Ко входу в виде арки вела наклонная доска. Внутри виднелся слой слежавшейся соломы. Чарльзу Себастьяну место показалось теплым. Он взбежал по доске и залетел внутрь. В клетке оказалось три огромных шара из перьев. И они пахли. Пахли как живые. Чарльз Себастьян никогда не видел ничего подобного. И смотрел во все глаза, пытаясь разобрать, что же перед ним такое. Неужели те самые куры, от встречи с которыми предостерегала мама?

Чарльз Себастьян не раз слышал, как судовой повар отправлял Тануку принести яйца из-под Мейбл, одной из живших на судне куриц. А мама рассказывала мышатам, что куры свободно гуляют по кораблю, иногда даже спускаются с верхней палубы, если в их клетку попадает

дождь. «Они выклюют вам глаза! – пугала она. – Держитесь от них подальше. Курам вполне может прийти в голову съесть надоедливых мышат».

До этого момента Чарльз Себастьян никогда не встречал кур, поэтому растерялся, оказавшись прямо в их логове. Паника охватила его. Хотелось тут же броситься прочь. Да когда же он снова окажется в безопасности? Он спасся от пасти безжалостной кошки, чтобы теперь куры лишили его зрения или заклевали на смерть? Будет ли конец у этой жуткой ночи?

Чарльз Себастьян бросился вниз по доске, через всю палубу в сторону носа судна. Он не бежал по прямой, вилял, пока не оказался перед трапом, ведущим вниз. Замер у ступенек. Вспомнил, что, спасаясь от Патронессы, взлетел по лестнице. А значит, путь вниз – правильный. И Чарльз Себастьян начал спуск. Спрыгивал на ступеньку, отдыхал, пытаясь унять дрожь, и снова спрыгивал. У него была цель – добраться до самого низа.

Но, оставив позади весь трап и тут же спрятавшись под ним, Чарльз Себастьян понял, что ничего не узнает. Где камбуз? Где его кладовка? Ему ведь всего лишь хотелось попасть в знакомое место. В место, которое казалось ему домом.

Чуть слышные шаги заставили его обернуться. Еще одна проклятая рыжая кошка. Куркума – так ее зовут. Сердце выпрыгивало из груди. Чарльз Себастьян заметил под лестницей моток толстой веревки и нырнул в него, вжался. Заметила ли его Куркума? Он потерялся. И это страшно. Он хочет пить. Он хочет есть. Он падает с лап от усталости. Он убит горем. А теперь еще и кошка. Душа ушла в пятки и растворилась там только оттого, что он представил, как Куркума приближается к нему, смотрит на него своими ужасными желтыми глазищами.

Забившись в моток веревки, Чарльз Себастьян не мог унять дрожь. Самый младший в помете, последыш, единственный уцелевший из всей семьи, он ждал, когда челюсти смерти сомкнутся на нем.

В открытом море

Я проснулась от жуткой вони и увидела над собой рот Тануки с гнилыми зубами. Отпрыгнув от источника зловония, я осмотрелась и обнаружила, что вся шерстка у меня в чем-то липком и склизком. Сначала я подумала, что коричневые пятна – слюна Тануки, но, принюхавшись, поняла, что дело в раскисших кофейных зернах. Попробовала обтереться о мешок. Каждый удар сердца отзывался болью в обломанных когтях.

В центре шлюпки капитан вел тихий разговор с Лучией и моряком по имени Тембе. Остальные спали, прислонившись к ящикам или растянувшись прямо на полу и пристроив головы на ребра шлюпки. Еще было темно, но на горизонте, там, где море встречалось с небом, розовели первые лучи рассвета.

Корабль исчез. Его больше не существовало, и это потрясло меня до глубины души. А еще море… Море было повсюду. Оно оставалось спокойным, и шлюпка медленно покачивалась на длинных невысоких волнах, лишь иногда немного воды заливалось внутрь. Но суденышко было явно перегружено – первая же большая волна смоет меня в море.

Поэтому до восхода солнца надо найти высокое сухое место. Попытавшись успокоиться, я осмотрелась и соразмерила свои возможности. Мое внимание привлек нос шлюпки. Там, на носу, был широкий деревянный треугольник, наподобие плоского навеса прикрывавший место, куда уже переместили часть запасов: ящики и мешки из кладовки. Наверное, его задача – защита от дождя. Уже сам вид ящиков, их знакомый запах немного успокоили меня. А вот запах мокрой шерсти, который я тоже уловила, наоборот, спокойствия не добавил. Может, это пахло от моряков, которые валялись в промокшей одежде прямо на дне шлюпки, потому что на лавках места хватило не многим.

Я строила в голове маршрут к укрытию. Обойти людей не удастся – их слишком много, валяются по всей шлюпке. Небо светлело, шансов прокрасться незамеченной становилось все меньше, поэтому я обежала чью-то голую щиколотку, прыгнула на спящую голову, на волосатую руку и влетела в щель между мешком с галетами и мешком с мукой. Здесь царила прекрасная темнота. К тому же место было отлично защищено от морских брызг. Я надеялась, что сумею выжить здесь час, день. Сумею выжить столько времени, сколько понадобится, чтобы

найти Чарльза Себастьяна и вернуться к нему. Он уцелел, и это очень меня радовало, хотя пока что было непонятно, как отыскать его. Воодушевление стало угасать и полностью испарилось, когда я вспомнила характер Чарльза Себастьяна. Ему же страшно без меня. Из-за страха он убежал из нашего ящика, когда рядом оказалась Патронесса. Не поддайся он тогда порыву, мы бы не разлучились. Я устало закрыла глаза. Надо гнать мысль, что привычка нестись вперед по поводу и без повода рано или поздно станет причиной его гибели.

Но воображение было не остановить. Голову наполнили кошмарные сцены. Глаза распахнулись от ужаса. Патронесса, Куркума, остальные звери бродят по одному кораблю с моим братом. Он, конечно, сумеет найти норку, малюсенькое укрытие, куда даже их нос не пролезет, но он же замерзнет без меня, проголодается. Да, Чарльз Себастьян способен часами грызть одну деревяшку, разбираться, что значит то или иное слово, просчитывать, за какое время мышь пробежит из одного угла кладовки в другой. Но способен ли он самостоятельно найти воду, когда его замучит жажда? Или же моя опека была костылем, без которого он не сумеет идти дальше?

Конечно, Чарльз Себастьян решит вернуться в кладовку, как только на палубе станет тихо, но наш ящик плывет в шлюпке, а значит, брату придется строить новое гнездо. А он умеет? А если он не сможет найти дорогу в кладовку? Вряд ли он вообще раньше бывал на кватердеке – я и сама туда всего один раз попадала. Но именно оттуда он звал меня, иначе бы я не услышала его голосок.

Чтобы немного унять волнение, я закрыла глаза и представила Чарльза Себастьяна в кладовке, устраивающим новый дом среди картошки и зерна. Вот он грызет черствую горбушку или посасывает горьковатую апельсинную корочку, а потом осторожно бежит на камбуз, чтобы попить водички, которая капает на пол с мытой утвари и собирается в лужицы на полу.

Постепенно сердце утихло, в ушах перестала пульсировать кровь. Я почистила шерстку и, сунув лапки под голову, уснула. Мне снились мама и Оливия, и Чарльз Себастьян. Они и вся наша большая семья – мы мирно спали, свернувшись в клубочек в уютном соломенном гнезде. Все сухо, никакой воды.

Я открыла глаза – и сон рассеялся. Мне остались одиночество и холод. А из центра шлюпки на меня уставился мокрый, несчастный комок рыжей шерсти. И снова запульсировали виски. Патронесса здесь. На маленькой шлюпке. В суете ее выкинули с корабля, бросили к капитану, как бросили одиннадцать несчастных матросов и меня.

Инстинкт тут же приказал мне выпрыгнуть из лодки: а вдруг есть шанс, что поверхность моря превратится в стекло и я смогу по ней бежать, бежать, бежать не останавливаясь. Но я приказала себе сидеть на месте.

Патронесса смотрела прямо на меня. Она знала, что я здесь, – и это было хуже всего. Она успела заметить меня прежде, чем я ее. Какая оплошность с моей стороны! Ведь я уловила странный запах, но и представить не могла, что он исходит от кошки. Роковая ошибка. Меня мог раздавить огромный башмак моряка, меня могло смыть волной – о других угрозах я не думала, а зря. Самой страшной опасностью оказались коты.

Но, с другой стороны, эта негодяйка-подлиза не достанет Чарльза Себастьяна. Я, в отличие от него, способна сохранять хладнокровие – особенно если речь о кошках, – так что наши шансы вновь встретиться немного увеличиваются. Хотя не слишком ли я обольщаюсь? Пространство очень ограниченное, еды мало. Через какое время капитан лишит кошку еды? Хорошая кошка – сытая кошка. Да и не бывает хороших кошек.

Патронесса наградила меня еще одним презрительным взглядом сверху вниз и, вместо того чтобы подняться и подойти ко мне, отвернулась и принялась вылизывать мокрую слипшуюся шерсть. Лучше бы она продолжала гипнотизировать меня. Почему она отвернулась? Хитрость? Уловка? Вполне. Как же я не хочу играть в эту игру.

Когда ко мне вернулись ясность ума и способность мыслить, присущие рассудительной мыши, я вскинула мордочку и посмотрела прямо на Патронессу, оскалив зубы. Я не сдамся без боя! Кошка предпочла сделать вид, что ничего не заметила. Я забилась поглубже в свое укрытие – здесь ей меня не достать, скорее всего. А спать я буду очень чутко.

– Никогда, никогда я не прощу их! – бормотал себе под нос Танука. Он сидел совсем рядом, поэтому разбудил меня. – Никогда!

Лучия тоже его услышала и сказала:

– Они пытались!

– Вряд ли… – горько ответил Танука.

Лучия посмотрела на него:

– Мне… мне кажется, я ее видела мельком, а потом она убежала. Но мы все равно слишком далеко.

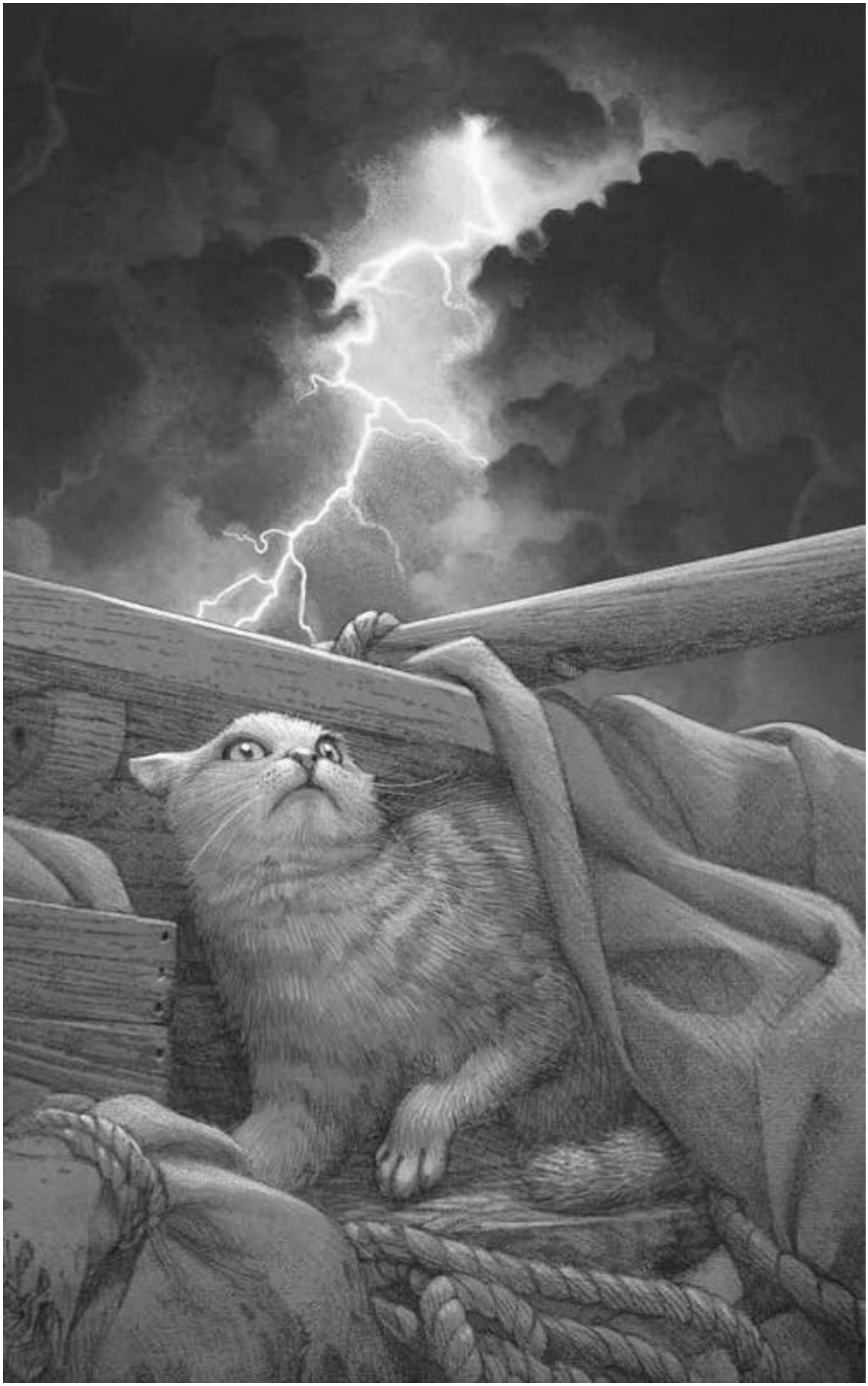
Танука молчал. Сначала я не поняла, о чем разговор. А потом вспомнила. В лодке все взрослые, кроме него, а значит, его сводную сестру Бенеллун не нашли и не посадили к нам. Бедный маленький поваренок… Но мой внезапный прилив сочувствия оказался коротким. Не было сил жалеть кого-то, когда горе у меня самой.

Люди на шлюпке сначала горланили что-то, потом их разморило на солнце. Есть они не стали, только немного попили. Я не очень понимала, за счет чего сумею выжить. Найти крошки не представляло проблемы, а вот с водой придется туго, ведь у матросов ее очень мало. Пресная вода – вечный повод для забот.

Наступила ночь. Небо прорезала молния, загремел гром. Обитатели шлюпки застонали. Началась сильная качка. Волны бились о борта, заливались внутрь. Огромные дождевые капли – каждая больше, чем мой нос, – падали на изорванный парус, впитывались в ткань. Моряки скользили, падали, пытаясь удержать шлюпку на плаву. Они вычерпывали морскую воду со дна и тут же пытались хоть во что-нибудь собрать дождевую.

Патронесса, почти успевшая высохнуть, метнулась на корму, чтобы укрыться там под бимсом – поперечиной, скреплявшей борта. Свернувшись в тугой клубок так, что только торчали острые локти, она поглядывала на небо. Взгляд ее желтых глаз казался еще более зловещим, потому что в нем отражались яркие молнии, изрезавшие все небо.

Дождь звал меня. Я вылезла из укрытия, прошла вдоль стеночки ящика, ни на мгновение не спуская глаз с Патронессы, и высунулась наружу, подставив мордочку каплям. Я слизывала падающие на нос капли дождевой воды, а рыжая зверюга, превратившаяся в мокрую тряпку, напряженно смотрела на меня, не в силах что-либо противопоставить. Перед ней живая мышь, схватить которую мешает погода. Каждая минута моей жизни – это минута, выигранная у кошки. Только вот хищница скоро проголодается, а моряки вряд ли станут ее кормить.

Наблюдая за кошкой, я совершенно забыла про Тануку и не заметила, когда он успел пролезть в укрытие для припасов в носовой части, чтобы спрятаться от бури. Как только Патронесса встала, выгнула спину и изготовилась прыгнуть на меня, я скользнула в свой ящик. Обернувшись, чтобы сквозь щелку проверить, где кошка, я очутилась нос к носу с Танукой: щека опухла, лицо замызганное.

Он попытался прихлопнуть меня ладонью. Пронзительно запищав, я увернулась и нырнула в складку мешковины. Не сразу сообразив, что оказалась в мешке с мукой, я зарывалась все глубже. Мука забила нос, заполнила рот. Слишком поздно я поняла, что непременно задохнусь. Врагов стало больше, оставшиеся мне мгновения жизни сочтены.

Кашляя, фыркая, поднимая в воздух клубы мучной пыли, я выбралась из мешка и забилась поглубже в угол на носу шлюпки. Пальцы Тануки шарили совсем рядом в попытке схватить меня. Вот он поймал меня за спину, потянул к себе. Бешено дернувшись, я высвободилась и подскочила к деревянной стенке: там оказалось малюсенькая щель от выпавшего сучка, и я забилась в нее, обдирая себе бока. Протиснулась еле-еле, но ни враг-кошка, ни враг-человек теперь не смогут меня достать. И клянусь, больше ни за что не вылезу отсюда – лишь бы спастись от этих нелепых отростков, которыми Танука пытается меня уничтожить. Наконец он бросил свою затею.

Долго-долго я сидела не шевелясь. Во рту мука смешалась со слюной, превратилась в тягучее тесто, которое я не могла проглотить. И мне стало невыносимо себя жалко. Единственное, что придавало сил, – воспоминание о голоске моего брата. Я пообещала, что найду его. А он пообещал найти меня. Кто-то из нас должен сдержать слово.

Меры предосторожности

Я думала об утраченном чаще, чем это следовало делать юной мыши. Эти мысли не шли у меня из головы. Я просыпалась от того, что во сне нашла братьев и сестер в гнезде мертвыми, окоченевшими. Мне снилось, как они пищат в кошачьей пасти, а потом умолкают навечно. Один раз во сне пришла мама: она рассказывала нам, как устроен этот мир, говорила мне ласковые слова. А потом исчезла в одно мгновение.

Сколько же вопросов я не успела ей задать! Страдала ли она? А мои братья и сестры? Они мучились? Оливия, моя сестренка, о чем она думала в последние секунды жизни? Спрашивала ли она, почему мы ее не спасаем? Я понимала, что в ее смерти нет моей вины, но времени на размышления было слишком много, поэтому я все больше и больше начинала винить себя. А она? Вдруг там, в другой жизни, она обижена на меня?

– Мамочка, мамочка… – прошептала я в ночную мглу. – Если ты слышишь меня, пожалуйста, расскажи Чарльзу Себастьяну, что я жива. И что мы обязательно найдем друг друга. Скажи, что я по-настоящему верю в него – как ты верила в меня. Как твой отец верил в тебя.

Я поежилась, стряхивая сомнения. Услышала меня мама или нет, мне стало легче только от того, что я проговорила нужные слова вслух на фоне шумного моря. Лучше бы мы так сильно не опекали Чарльза Себастьяна. Лучше бы я была самой обычной мышкой, которая легко забывает умерших сородичей, как у нас принято. Так было бы гораздо лучше. Но и поводов выжить у меня тогда было бы меньше.

Я резко открыла глаза. А если Чарльз Себастьян забудет меня? Ужасная мысль овладела мной, но быстро отступила. Он никогда меня не забудет. А я не забуду его. Никогда.

На шлюпке всегда бодрствовал кто-то из моряков, а иногда на вахте оставались двое: нужно было поворачивать изодранный парус, чтобы хоть как-то уловить ветер. Весло было одно и пользы приносило мало, а капитан начинал дико орать, если шлюпка отклонялась от указанного им курса. В очередной раз Тембе взялся чинить парус.

– Да свяжи ты эти лохмотья друг с другом, – посоветовала ему Лучия. – Хоть дальше рваться перестанет.

Ни иголки, ни нитки, чтобы нормально зашить ткань, у них не было. А я смотрела на лохмотья парусины и думала, как бы мне для гнезда пригодился хоть один маленький кусочек.

– Когда мы будем есть? – взвыл Танука.

Лучия приказала ему перестать ныть из-за сестры, поэтому он выбрал другой повод для тоски. Своим вопросом мальчишка нарушил все нормы приличия, потому что в такой компании он вообще не имел права открывать рот, пока к нему не обратятся.

Капитан, Лучия и Тембе одновременно повернулись к Тануке, одним только взглядом приказывая ему замолчать. Тот пристыженно сжался. Даже из своего укрытия я слышала, как у него урчит от голода живот. Мальчишка и так был худоват, а до конца путешествия совсем отощает. Он прижал ладонь к щеке – похоже, она опухла еще сильнее.

Капитан вглядывался то в море, то в какой-то прибор, который показывал, где мы находимся, как я думала.

– Сбились с курса! – рявкнул он так, что все вздрогнули, потом схватился за парус и принялся его поворачивать, попутно адресуя членам команды грязные ругательства.

Лучия и бровью не повела, только спросила:

– Сколько мы прошли, капитан?

– Пять морских миль. Максимум семь. Плетемся как черепахи.

Я не разбиралась в расстояниях, а вот Чарльз Себастьян хорошо их понимал, зато я слышала, как матрос на корабле сказал, что до Кингсленда восемьдесят миль. «Восемьдесят» казалось намного больше, чем «пять». Отсюда и нечего надеяться увидеть сушу. Вокруг только вода. А мы еле-еле двигаемся. Ну, или мне так кажется из моего ящика.

– Сегодня нам надо хоть что-то поесть, – шепотом сказала Лучия капитану.

Поразмыслив немного, капитан смягчился:

– Поваренок! Где список провианта? – рявкнул он Тануке.

– У меня нет… нет списка, – промямлил тот в ответ.

Капитан уставился на него:

– Ты вообще ничему у кока не научился?

– Карандаша нет…

– Реши проблему по-другому! – Капитан перешел на крик. – Чем мы располагаем? Заучи этот список!

Танука принялся перебирать запасы, называя вслух все, что видел съедобного. Пока он осматривал мой ящик, я сидела в дырке из-под сучка и не дышала. Затем он добрался до бочонка, открыл его и объявил:

– Солонина! Рассола сильно больше, чем мяса.

Капитан раздраженно выдохнул:

– Солонину не трогай пока. Возьми вяленую треску, выдели каждому пайку в квадратный дюйм. Выполняй!

Танука нагнулся к ящику, на котором до этого сидел, и достал оттуда треску. Когда он оторвал полоску вяленой рыбы, меня чуть не вырвало от запаха.

– Много! Подели пополам! – приказал капитан. И буркнул себе под нос: – Не можешь дюйм от мили отличить.

Дрожащими руками Танука разломил кусок надвое и обе половины отдал Лучии, которая очень бережно, будто драгоценность, передала их на дальний конец шлюпки. В тот момент, когда появилась рыба, Патронесса дала о себе знать. Истошно мяукнув, она перепрыгнула от матроса, сидевшего на скамье, к матросу, устроившемуся на полу: ее путь лежал к Тануке, который раньше частенько подкармливал ее объедками с камбуза.

– Я дам ей немного? – спросил он.

Моряки недовольно загудели.

– Ладно, ладно, – отступил Танука.

Пытаясь сесть на свободное место на скамье, он ударился и без того опухшей щекой, да так, что аж заморгал от неожиданности.

– Пошла вон! – зло крикнул он и наподдал кошке. – Это не тебе!

Патронесса предприняла вторую попытку добыть рыбу, и тогда Танука подхватил ее на руки и откинул еще дальше. Кошка подошла к капитану и принялась мяукать, тыкаясь носом в руку и выпрашивая тот крохотный кусочек трески, который у него был. Ругнувшись, капитан отстранил Патронессу и загородился локтем, пресекая все кошачьи попытки приблизиться.

С каким-то болезненным удовольствием я наблюдала, как люди гоняют облезлое рыжее чудовище. Ровно до того момента, пока кошка не посмотрела на меня. Сердце остановилось. Патронесса голодна, никто не делится с ней едой, а значит, я стану главным блюдом в ее меню, если не предложу ей что-то взамен себя. Поэтому ночью, когда моряки рядом с моим убежищем уснули, а Патронесса перестала жалобно мяукать и улеглась на куске брезента, я принялась самостоятельно изучать запасы.

Мешок с сухими галетами. Быстро вытащив одну штуку, я перенесла ее в свой ящик и с удовольствием дала волю зубам. Только вряд ли кошка уже дошла до состояния, когда предпочтет каменную галету сочной мягкой мышке. Так что выбирать надо из кофе, мешка муки, ящика с вяленой треской и бочки с солониной. Прижавшись к бочонку с мясом ухом, я слушала, как внутри плещется жидкость. На каждой волне она тяжело переливалась. Будь рядом Чарльз Себастьян, он бы уже пустился в бесконечные рассуждения о том, что надо избавиться от части рассола и тогда лодка не будет черпать бортами воду. Конечно, Танука, помощник кока, должен был додуматься до этой очевидной вещи, но я слабо верила, что он вообще способен думать.

Нет, таскать мясо для кошки нельзя: моряки все равно меня поймают, когда запасы подойдут к концу. Так что выбор пал на треску. Но на ящике с треской покоились вонючие сапоги Тануки. А внутри сапог он шевелил пальцами. На мое счастье, мальчишка уснул, закрыв рукой глаза, поэтому момент был подходящий.

Кошка наполовину опустила веки, положила морду на лапы и дремала. Мой выход. Протиснувшись между досок ящика, я осторожно двинулась к припасам, сложенным на носу. Нижний угол ящика под ногами Тануки быт отбит: дырочка как раз размером с поломанную ложку, которой я носила воду. Подходящее отверстие.

Когда я проникла внутрь, нос обжег едкий запах вяленой рыбы. Я прогрызла малюсенькую дырочку в промасленной бумаге – совсем малюсенькую, чтобы Танука ее не заметил. Это было главное правило выживания в кладовке, которому меня научила мама. А потом оторвала кусочек рыбы и вытащила его из-под бумаги.

Танука заворочался, дернул ногой – сапог стукнулся рядом с моей головой, и я чуть не выронила добычу. А когда мальчишка угомонился, я двинулась дальше, выглянула через щель в ящике. Треска тошнотворно пахла, и я знала, что еще долго буду ощущать во рту мерзкий рыбный привкус. Он напоминал мне о море, которое я ненавидела. И что маме в нем нравилось? Этого мне не понять. Но я ведь не видела ничего другого: может, суша еще хуже. Но разве суша может подняться волной и поглотить твою маму?

Я выталкивала кусок рыбы наружу, пока он не шлепнулся глухо на дно лодки, затем спустилась к нему и подобрала. Добычу я отнесла в свой ящик и спрятала так, чтобы Патронесса не сумела найти, – под мешок с мукой. А потом я отправилась за новой порцией.

К утру рыбы у меня было столько, что впору собственную лавку открывать. Я не забыла вернуться и как можно лучше замаскировать дырку в промасленной бумаге. К тому времени как моряки стали просыпаться, я готова была уснуть. Но прежде я выбросила маленький кусок трески рядом со своим убежищем: чтобы люди его не заметили, а Патронесса заметила обязательно. Не успел меня сморить сон, кошка уже была тут как тут, обнюхивала воздух.

– Не трогай меня, а я буду тебя кормить, – дрожащим голосом пропищала я, хотя в укрытии мне было нечего бояться.

Не знаю, поняла ли она меня. Я сильно устала. Но когда я проснулась, не было ни куска рыбы, ни Патронессы.

Сосуществование

Возможно, шум поднялся из-за исчезновения кошки. Она могла свалиться за борт – меня бы это устроило, но вряд ли стоило надеяться на такой подарок судьбы. Или же она нашла себе новое убежище. Мама всегда говорила, что кошки как вода и могут просочиться куда угодно. Они в этом похожи на нас, мышей, и протискиваются в такие места, что никогда не подумаешь. Прежде чем вылезти из своей норки, я внимательно оглядела окрестности, даже всмотрелась в темный угол носа шлюпки позади себя. Но никого не увидела.

Тогда я немного высунула мордочку и тут же заметила над головой движение пушистого рыжего хвоста. Патронесса распласталась на ящике и наблюдала за мной через щели в досках. У меня сперло дыхание, когда она сунула грязную лапу в щель. Выпуская и пряча когти, она будто показывала, как схватит меня.

Убедившись, что до меня Патронесса не дотянется, я направилась к своему тайнику. Надо, чтобы кошка видела, как я даю ей еду. Зачем? Я рассуждала так: когда кормишь другого, ощущаешь свою власть над ним. Еда начинает ассоциироваться с тем, кто ее дает. И я надеялась, что кошка уловит эту связь. План должен сработать, а мне надо приложить все усилия для его реализации. Надо показать Патронессе, кто здесь главный.

Так что, взяв малюсенький кусок трески, я помахала им у нее перед носом. Пригласила ее, подразнила. Мерзкая рыба оставляла на языке противный вкус, но от нее сейчас зависела моя жизнь. Взбежав по стенке ящика, просунула рыбу в щель, чтобы Патронесса сумела ее подцепить, и быстро отскочила подальше.

– Если ты меня съешь, то полдня будешь сыта. А если оставишь в живых, то я дам тебе еще. Обещаю, я помогу тебе не умереть с голоду.

Патронесса потянулась мордой к рыбе, понюхала ее, лизнула. Схватила кусочек острыми зубами. У нее, как и у Тануки, нескольких зубов не хватало, но оставшимися вполне можно было загрызть мышь. Я вспомнила Оливию и поежилась. Пожевав рыбу, кошка проглотила ее и принялась обнюхивать ящик: она хотела еще.

И я принесла второй кусок. Она кинулась к нему, обдала меня горячим дыханием. Я буквально выплюнула рыбу ей в морду.

– Я кормлю тебя! – произнесла я строго. – Я… я твоя мама! – Сама мысль об этом заставила меня поморщиться. – Я нужна тебе больше, чем люди. Они не станут кормить тебя, а я стану. Умру я – умрешь и ты.

Кошка не ответила. Неужели я просчиталась? Поняла ли она меня вообще? Мыши вообще-то никогда раньше не пытались разговаривать с котами. В нашем общении слова оказывались лишними. Я прикидывалась взрослой и суровой, потому что выбора у меня не было. Вокруг море, рядом два врага. Только такое поведение позволит мне выжить в замкнутом пространстве. Тануку вывести из игры будет не просто, так что кошка – единственный вариант.

Больше Патронесса не отходила от моего ящика – только пару раз отлучилась размять лапы и поклянчить у моряков вяленую говядину, которую капитан сегодня разрешил понемногу раздать. Я же оберегала свой тайник. И кошка пока меня не трогала. Но это пока.

Меня одолевали сомнения. Не слишком ли нагло я себя повела? Вдруг я ее разозлила? Может, она намеренно дает мне иллюзию безопасности и готовит расплату? В голове звучали мамины слова и не давали уснуть: «Нужно, чтобы всего одна мышь верила в тебя…»

Без движения

Чарльз Себастьян не погиб от кошачьих когтей. В бухте каната он выгрыз себе норку и сидел там, а в голове у него постоянно звучал скрип покачивающегося на волнах корабля. Потом появился человек, огромные руки схватили бухту, огромные ноги чуть не растоптали Чарльза Себастьяна. Он снова лишился дома. И поэтому просто забился в самый темный угол под трапом.

Время шло, но Чарльз Себастьян будто не замечал этого. С тех пор как Клариссу бросили на шлюпку, сменилось несколько дней и ночей. Он страшно проголодался, но из еды у него была только соль на носу. Весь день он провел в грязном углу: засыпал, просыпался, снова засыпал. В какой-то момент ему показалось, что он окаменеет от неподвижности, если еще хоть мгновение просидит на месте. Или нет, лучше он превратится в привидение и будет пугать врагов. Берегитесь!

Но смелым Чарльз Себастьян был лишь в своих фантазиях. Голову его заполняли цифры. По скольким ступенькам он взбежал наверх, когда за ним погналась Патронесса? Сколько раз успеет стукнуть его сердце, пока он перебежит всю палубу? А какой она длины? Чарльз Себастьян мог рассчитать расстояние, но понятия не имел, в какую сторону бежать. Если бы рядом была Кларисса! Она бы разделила с ним бремя забот по возвращению домой. Ведь она знает ответы на все вопросы! А сколько ударов сердца разделяет их сейчас?

Вокруг Чарльза Себастьяна царила пустота. Ему так не хватало дребезжания тарелок на камбузе, шороха кофейных зерен, пересыпающихся в мешке при каждом крене корабля. Не хватало сладковатого аромата подгнивших апельсинов. Но и мысль о том, что он будет бесконечно долго искать кладовку лишь для того, чтобы обнаружить, как там пусто без любимой семьи, была мучительна.

Чарльз Себастьян тихонько сидел в своем углу. На верхней площадке трапа остановились два моряка и начали перешептываться.

– Они нас будут искать.

– Кто?

– Сам знаешь кто. Те, со шлюпки.

Сказав это, матрос опасливо оглянулся.

– Э-э… Когда?

– После того, как мы ссадим на берег сторонников капитана, а они избавятся от сам знаешь кого и от остальных.

– Сам знаешь кого?

Тот, который был поумнее, вздохнул и перестал говорить загадками:

– Я о капитане, идиот! И о его сторонниках.

– А-а… Так мы встретимся на острове?

– Тихо! Помолчи.

И они разошлись, будто и не разговаривали вовсе.

Чарльз Себастьян заинтересованно вытянул мордочку. Разговор был полон загадок, но кое-что ему запало в голову и казалось очень важным. О ком же они говорили? Раньше он видел, что все просто и логично: бунтовщики остались на судне, сторонники капитана уплыли на шлюпке. А теперь получается, что на борту есть люди, верные капитану. А в шлюпке вместе с Клариссой люди, взявшие сторону бунтовщиков. И как только бунтовщики избавятся от верных капитану людей, они воссоединятся с такими же бунтовщиками, которые приплывут на шлюпке на какой-то остров. Так что если Кларисса сумеет выжить и будет внимательна, тогда… Тогда есть шанс, что они оба прибудут в одну точку.

Схема казалась слишком сложной. Шансов, что она сработает, было не так уж и много. Но вероятность вновь увидеть Клариссу возросла: теперь она равнялась не нулю, а была чуть-чуть выше, как считал Чарльз Себастьян. А значит, сдаваться нельзя! Кое-как заставив себя шевелить затекшими от долгой неподвижности лапками, Чарльз Себастьян возвращался к жизни. И первым делом он двинулся на верхнюю палубу.

Солнечные лучи коснулись спины Чарльза Себастьяна, согревая, оживляя. Он никогда не проводил много времени на солнце, предпочитая темноту, так как она не казалась ему враждебной. Но сейчас жара окутала его как теплое одеяло. Он шел туда, где на него напала Патронесса. Где-то в глубине души он надеялся, что вот сейчас кошка выпрыгнет и прекратит его несчастное существование. Но затем в голове смутно всплыла гибель Оливии. Такая смерть не будет быстрой и легкой. Может, вернуться под трап? А если он неправильно понял разговор двух матросов?

Лавируя между тяжелыми сапогами, Чарльз Себастьян мчался на кватердек. Состарившаяся, заветренная древесина бизань-мачты манила его как добрый надежный друг, и Чарльз Себастьян не стал сопротивляться зову. Он взобрался достаточно высоко, чтобы заглянуть за ограждение борта. В такой дали любой предмет походил бы на невнятное пятно, но даже пятна там не было – одни волны. Чарльз Себастьян обежал мачту по окружности, внимательно всматриваясь в горизонт со всех сторон. Но ничего не увидел.

Тоска, сидевшая глубоко внутри, захлестнула его, стала рваться наружу удушливым кашлем. Неужели его надежды напрасны? Он так и сидел на мачте, переводя дух, смотрел на море, и вдруг ему вспомнилась мама. И последние слова, которые она успела произнести до того, как ее смыло волной. Он хранил эти слова у самого сердца, даже Клариссе не говорил, потому что произнести их вслух казалось невыносимо тяжело. «Держитесь друг друга, мои фасолинки. Не упускайте друг друга из виду, не упускайте друг друга из мыслей. Даже когда меня не станет. – Мама ненадолго замолчала. Они как раз вышли на палубу. – Я хочу рассказать тебе историю о своем отце…» И тут хлынула волна.

Глаза Чарльза Себастьяна наполнились слезами – наверное, ветер или яркое солнце. А может, воспоминания. Сейчас они с Клариссой не могут видеть друг друга. Но мама сказала, что можно держать другого в мыслях. Так и надо делать. Он прислонился лбом к мачте, ощутил, какую она излучает мощь и непоколебимость. Да, так и надо делать.

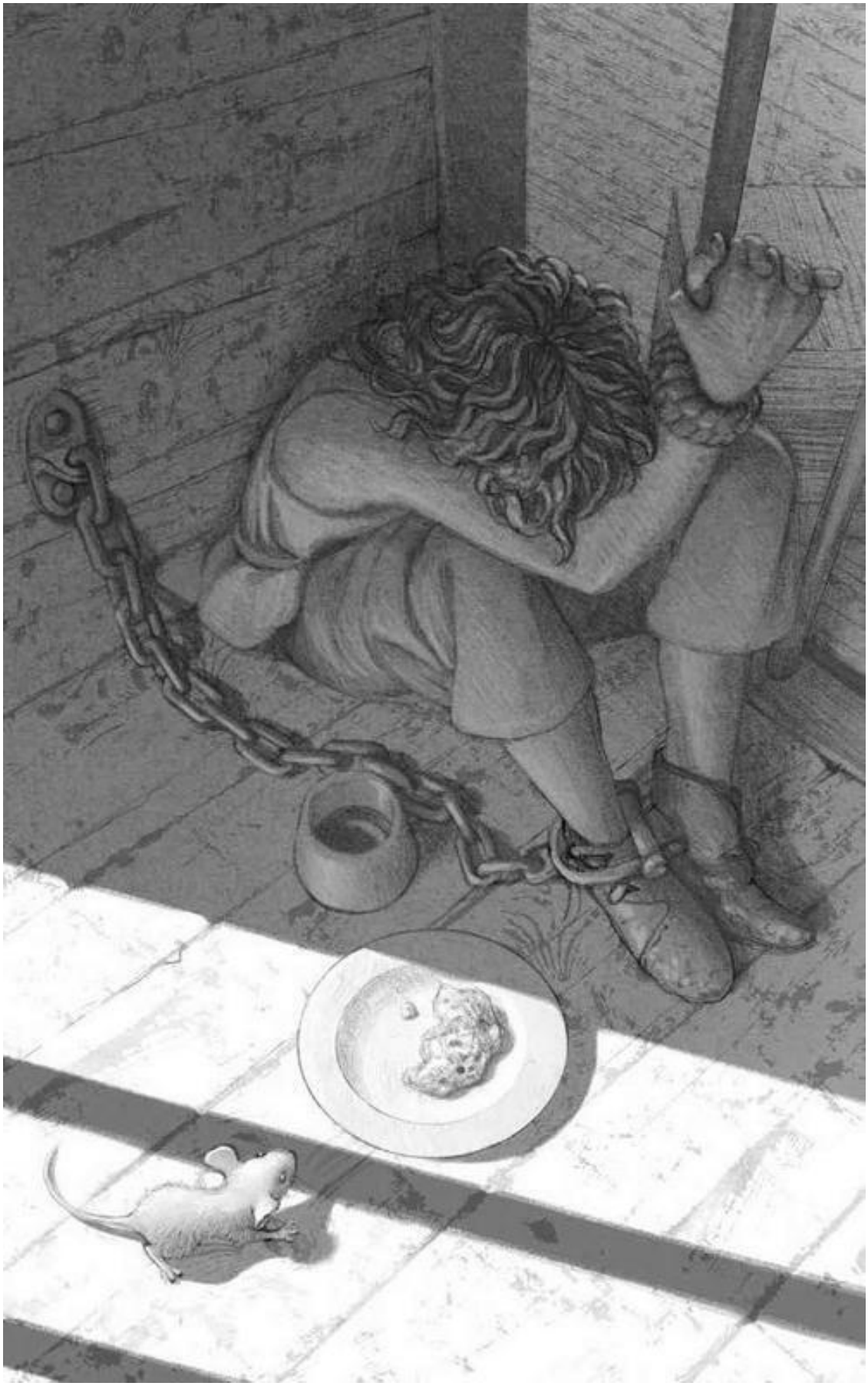
Вскоре Чарльз Себастьян спустился на палубу: ему очень хотелось есть и пить. Кладовка превратилась в призрачное воспоминание, как будто без Клариссы и вовсе перестала существовать. Настало время искать новый дом.

Пробегая мимо клетки, Чарльз Себастьян заметил, что девчонка все еще сидит внутри: руки связаны, ноги закованы в цепи. Даже позу она почти не изменила, хотя прошло уже несколько дней с их первой встречи. Звякающие из-за качки цепи напомнили Чарльзу Себастьяну о камбузе, где звенела кухонная утварь – эти звуки его очень успокаивали, хотя мальчишка, помощник кока, внушал ужас. Рядом с девчонкой стояла миска с какой-то похлебкой, запах которой абсолютно не вызывал аппетита, а вот галета и чашка заинтересовали Чарльза Себастьяна.

Подавив накатившую от голода тошноту, он с новым приливом энергии бросился в клетку, пробежал за спиной у пленницы и выскочил перед ней, посмотрел. Глаза девочки были закрыты.

Чарльз Себастьян попробовал представить, как бы поступила Кларисса. Она ведь была самой благоразумной мышью на свете, всегда изобретала что-то новое, например придумала носить ему воду в сломанной ложке, потому что он боялся выходить из кладовки. Он рассматривал цепи. Кларисса бы уже давно отметила, что они крепкие и короткие, а значит, не пустят девчонку далеко. А руки связаны веревкой… Чарльз Себастьян закрыл глаза и попробовал мыслить так, как сестра. Если галета начнет исчезать из зоны досягаемости девчонки, то она не сможет ничего сделать, кроме как закричать на виновную в этом мышь. Крик – это неприятно, но не смертельно.

Чарльз Себастьян просчитал в голове расстояние, которое надо преодолеть, чтобы пленница его не достала, и то, сколько ему понадобится времени. На трясущихся лапках мышонок двинулся к цели. Из приоткрытого рта капала слюна. Медленно-премедленно он подобрался к галете, вонзил коготок в неровный край и потянул добычу к себе. Галета упала с края тарелки, глухо ударилась о палубу. Чарльз Себастьян замер. Но пленница даже не открыла глаза.

Снова вонзив коготок в галету – теперь уже понадежнее, он попятился, увлекая ее за собой. Остановился на мгновение и отгрыз кусочек – а вдруг план сорвется? И потащил галету дальше на подветренную сторону клетки, там забился в уголок, прислонился спиной к стене, отдышался и бросился к жестяной кружке. Понюхав содержимое, он понял, что там не вода. Запах был кислый – так же разило вечерами от потных матросов. Чарльз Себастьян присел на задние лапки и подался вперед, коснулся лапкой края чашки и… она перевернулась – от этого звука девчонка проснулась. Он быстро сделал несколько глотков, пока вся жидкость не впиталась в палубные доски, и отскочил в свой угол.

– Эй! – Девчонка выпрямила спину и попыталась увидеть, куда спрятался мышонок. – Что это ты себе позволяешь? – Она быстро подняла кружку в надежде, что на дне осталось хоть немного жидкости. – А где моя галета?

На вкус жидкость напоминала грязь. У мышонка все поплыло перед глазами. С ним что-то происходило. Он сел, скосил глаза на галету, зажатую в передних лапках, и вцепился в нее зубами. Больше не существовало пленницы, не существовало печалей – остался только дикий аппетит, завладевший Чарльзом Себастьяном.

Девчонка растерянно смотрела, как похититель уничтожает ее паек. Замахнулась в его сторону, но все равно не достала.

– Ты тоже попадешь на цепь, если будешь так себя вести! Зачем было грог на палубу выливать, а, наглая мышь? – Она брезгливо сморщила нос и отодвинулась от разрастающейся лужи. – И штаны все мокрые.

Чарльз Себастьян тихонько чавкал – веки полуприкрыты, весь слух обращен только на звук, с которым он сам грызет галету. Поэтому он не заметил, что на палубу вышла курица в поисках человека, который бы ее покормил.

Но когда раздалась тяжелая поступь матросских сапог, курица, захлопав крыльями, скрылась за углом. От резкого звука Чарльз Себастьян открыл глаза – и оцепенел. В клетку зашел один из тех двух матросов, разговор которых он подслушал раньше. Он нагнулся за миской с кружкой и попутно шепнул девчонке:

– Мы сделаем остановку и ссадим на сушу всех сторонников капитана, которые не влезли в шлюпку.

– И меня? – решительно спросила она.

– Тебя нет. Ты слишком много знаешь, и мистера Томаса это приводит в бешенство. Так что не жди снисхождения в свой адрес. Это я тебе точно говорю.

– Я ничего не знаю! – крикнула пленница. – Я не слушала ваши глупые планы. Я… я просто пряталась. Потому что мне было страшно!

Говорила она так, что становилось ясно: врет. Матрос ухмыльнулся:

– Ты поплывешь с нами до самого конца.

– А мой брат? – Она собрала во рту слюну, харкнула в матроса и попала на сапог. – Чудовища! Вы чудовища!

– Эй, ты! – Моряк злобно стукнул по брусьям решетки, но затем, похоже, сжалился над девочкой. Вытерев плевок о штанину на другой ноге и отступив на шаг назад, сказал: – Ну смотри, шансы такие. Если он выживет в этом гробу, который теперь качается на волнах, то вернется на сушу и там вместе с капитаном станет свидетельствовать против нас. А зачем нам, чтоб ты им помогала? – Помолчал. – К тому времени мы будем очень далеко.

Ушки на макушке

Надо было внимательнее прислушиваться к разговорам. Не то чтобы мыши не понимали человеческую речь – просто люди болтают без перерыва, звук становится однообразным, пронзительным, как будто орет чайка, которая кружит над матросом и пытается вырвать у него из руки кусок мяса. В кладовке мы с Чарльзом Себастьяном постоянно слышали гул голосов, но почти никогда не вслушивались. А вот когда прозвучало слово «бунт», хоть и шепотом, мы его заметили. Потому что как раз тогда слушали, о чем болтает экипаж.

Мы с Чарльзом Себастьяном долго и с удовольствием обсуждали, что же значит это слово. Спорили о его точном значении, и, я почти уверена, он его сейчас понимает иначе, потому что мы оказались в разных обстоятельствах. Для него оно значит жизнь без капитана на борту, а для меня – мучительное пребывание с капитаном в одной шлюпке. Но для обоих значение слова «бунт» заключается в том, что мы разлучены на неопределенный срок или навсегда.

– Расскажи о своей сестре, – попросила ночью Лучия Тануку, когда они оба остались на вахте.

– Она моя сводная сестра, – еле слышно ответил он. – Я в ответе за нее.

– Почему ты? А где ее родители?

– Оба служат офицерами на других судах. Судно нашей мамы пропало в море. Судно отца Бенеллун, моего отчима, должно было прибыть в порт за неделю до того, как «Шарлотта» подняла паруса.

– Но не прибыло?

– Не прибыло. – Мальчик покачал головой, будто показывая, как жалеет обо всех до единого решениях, принятых с того момента. – Ее отец должен был вернуться домой и оставаться с ней на берегу, а я заступить в первый раз на службу. Но судно не появилось в порту. Откуда мне было знать: опаздывает оно или пропало, как пропало судно нашей мамы? Оставить Бенеллун одну дома я не мог, поэтому взял ее с собой. Ее манила морская служба, – убедительно сказал Танука. – И на борту она драила палубу, убирала… – Мальчик умолк, зло посмотрел на капитана. – А теперь… – Он застыл на полуслове, взялся ладонью за распухшую щеку. – Говорить больно, – буркнул он и отвернулся. – Плоховато мне.

– Я надеюсь, вы встретитесь однажды, – мрачно проговорила Лучия, потому что сама не верила в такой исход. – И давай-ка утром посмотрим, что там с твоей щекой.

Дни сменяли друг друга. Стало невыносимо слушать постоянное и непрерывное нытье Тануки. Конечно, я его жалела, потому что мы оказались в похожем положении. Но наступает момент, когда никакое сочувствие не в состоянии перебить отвращение к нытику. Для меня Танука стал крикливой надоедливой чайкой, из-за которой мне приходилось отключать голоса всех остальных моряков, а ведь я должна была слышать каждое слово! А еще все эти дни массу проблем мне доставлял рыжий шерстяной шар. Я будто бегала по огромному камбузу, где приходится уворачиваться от острых ножей и тяжелых молотков для мяса. Передо мной стояла сложная задача, от выполнения которой отвлекала необходимость смотреть вверх, потому что смерть – это вам не шутки.

Наблюдая за Танукой, я пришла к выводу, что на человека и мышь боль действует по-разному. Мышь все силы бросает на то, чтобы поправиться. Мальчик же сконцентрировался на том, чтобы всех раздражать. Половину времени он просто ныл и стонал, но никаких слов не произносил – так что понятно, почему я не обращала внимания. Надо сказать, что его лицо от солнца с каждым днем становилось все краснее, покрывалось волдырями, кожа трескалась и кровоточила. А щеку разнесло раза в два. Тануке становилось все хуже и хуже, выздоровлением даже не пахло. И это вызывало тревогу. Тембе соорудил мальчишке компресс из муки, бесценной воды и куска собственной рубашки, чтобы вытянуть из щеки инфекцию и немного приглушить боль. Но, кажется, средство не помогало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.